

Г Е Р О И З М И ГУМАНИЗМ

НЕ ПРИХОДИТСЯ особо доказывать, насколько актуальны в современной литературе проблемы гуманизма. Говорить о них побуждает само развитие жизни и искусства.

КОГДА читаешь многие произведения современной литературы, в них словно слышишь отзвуки и чувствуешь живое подтверждение мысли, высказанной крупнейшим художником советской эпохи в двадцатых годах:

«Человек значит неизмеримо больше, чем принято думать о нем и больше того, что он сам думает о себе».

Эту мысль М. Горького очень убедительно подтверждают факты жизни. Нетелья не думать, что человек становится больше, выше, вдохновенней, когда так поразительные успехи в познании тайн сложнейшего строения вещества, когда точно по заданным направлениям уходят в космос спутники и ракеты, когда Сколько тут может быть примеров!

З том числе и подвиг четырех советских солдат, ни на мгновение не утративших в будущем осязаемое чувство товарищества, долга, человеческого достоинства. Четырем героям посвящено множество стихов. Но сейчас хочется обратиться к стихотворению, которое написано не о них, раньше этого случая, и тем не менее помогает понять природу их стойкости воли героя. А приложимо и к ним это стихотворение потому, что запечатлевает оно действительно-гуманистические основы характера людей, способных на большой подвиг. Оно отличается как бы «всеобщностью» образа человека новой социалистической морали. Речь идет о стихотворении А. Твардовского, начатом так:

— Давай-ка, товарищ, вставай,
Мороз подступает железный.
На голых снегу лежать на боку
Совсем тебе не по твоему.

Эпизод фронтовой, на войне — не редкий. Здоровый солдат, как видно по его речи, человек «совсем ватный» и добродушный, не знает раненого. Но он знает, что перед ним жизнь, которую нужно не то что бы ты ни стал! спастись!

Равный, считая себя обреченным, готов принести себя в неизбывном концом. Он голый, побитый, человек и мужествен, он не жалеет стать обузой для другого. Но самая большая человечность, утверждая стихотворением, сделать все возможное и даже, кажется, невозможное для живых жизни!

Ты что? Оставить тебя в лесу?
Да ты, дорогой, в уме ты?
Не хочешь идти — на себе

Донесу
А нет — дотащу на шинели

Маленькая баллада, сдержанный солдатский разговор с внешней обыденностью религии превращается в поэтичную повесть о мужестве, героизме советского человека.

В таком настоящем товариществе советская литература видит высочайшее проявление социалистического гуманизма и раскрывает его многогранно. Как не вспомнить при этом страницы «Молодой гвардии» А. Фадеева, новеллы «Март — апрель» В. Кожевникова, «Повесть о настоящем человеке» В. Полowego «Зеленого луча» Л. Соболева «Спутников» В. Павловой, «Звезды» Э. Казакевича, «За власть Советов» В. Катаева.

А новые примеры? На них также стоит сосредоточить внимание.

У Андрея Соколова в «Судьбе человека» М. Шолохова вынуждена рука, «левое плечо скрипит и пухнет и ужасно как болит». Среди пленных, запертых в церкви, слышно «овцы в темном нуте», оказался врач. Сам он отыскивал больных и помогал им. Выправит он руку и Соколову. Незабываемая память осталась о нем у Андрея: «Вот что значит настоящий доктор! Он и в плену и в потемках свое великое дело делал».

В повести О. Берггольд «Поход за Невскую заставу» изображен другой доктор. Во время чинниградской блокады он был для окружающих людей опорой. Долго было бы перечислять, что он делал для них

Литературные заметки

хорошего. Но вот хотя бы, кажется, простое сам обесценивание, истощенный, на бедном спуске к реке он вырубил ступеньки, чтобы легче было женщинам поехать с бидонами за водой.

Поскольку наш народ пережит исключительно события, какими изобилует война, закономерно, что в искусстве обострено внимание к необычному — оно не выдуманно, а является «сфокусированной правдой» высокого героя и гуманизма советского человека.

Но гуманизм ярко предстает не только при свете какого-либо подвига. Он очень многогранен и в «обыкновенном» течении жизни, что подготавливает необыкновенное в тех или иных особых обстоятельствах.

В «Поднятом щепе» М. Шолохова одна из самых мирных, типичных и по своему романтических линий романа — история отношения Давыдова и Вари Харламовой — не претендует на искренности. Писатель здесь и не думает отойти от бытовых подробностей. Но они то и помогают зримо показать душевную красоту и человечность Давыдова. Как только Варя стала его невестой, первая мысль Семена — отправить девушку учиться, принять на себя все хлопоты о ее будущей и бедной семье. Открыть дорогу Варе — таковы главные побуждения Давыдова.

Но такая черта присуща не только ему. Более того, гуманистические качества характеров обладают как бы правом наследования. И не удивительно, что в других героях литературы мы узнаем эти родовые черты. Тут дело не в однородности а в многогранности их характеров.

Спектакли театров имени Вактагова и Маяковского по пьесе «Иркутская история», при различных режиссерских и актерских решениях, ценны тем, что раскрывают гуманистические черты героев как естественное проявление их нового обаяния. Фактически и пьеса и эти спектакли спорят с микрореалистическим обеднением идей гуманизма в таких произведениях, как «Пять вечеров» А. Володина. А по сценарию, одерживают верх, потому что исходят из более глубокого понимания гуманизма.

ИСКУССТВО борется за подлинный гуманизм не только утверждением, но и отрицанием — отрицанием обличением, порицанием пороков. Но в этой необходимой борьбе случаются иногда или неточные или холодные выстрелы.

В наших условиях никак нельзя брать во внимание, что трудовая, общественная среда и нравственная атмосфера активно противопоставлять злу. В повести «Не ко двору» В. Тендрякова Рышники постоянно ощущают презрение и осуждение со стороны односельчан. Семин Давыдов духовно богаче председателя соседнего Тубянского колхоза Никифора Полянички, зарвавшегося мелкособственническими пережитками. Все это типичные конфликты, характерные победой новых принципов жизнедеятельности.

Сила художественной критики ослабляется тогда, когда пороки личности изображаются так, что перед ними не встает больших прелестей, что их черные замыслы осуществляются без сколько-нибудь активного сопротивления общественной среды. Так и происходит дело в новой повести В. Тендрякова «Тройка, семерка, туз» («Новый мир», 1960, № 3).

Писатель заострен рисует такую историю, когда благородная борьба за человека не дала результатов, а, наоборот, привела к моральным и физическим жертвам. Можно почтить, что повестью своей писатель как бы предупреждает доверия, не теряя бдительности, не поддаваясь на уловки черных душ, они рассаживают вредные микробы и заражают хороших людей. Но в художественных произведениях то гина возникает из образов, а здесь они таят совсем в другую сторону и по существу «работают» на драм-

ленькую мысль о том, как беззащитен человек против зла.

Конфликт повести разрешен так, что преступник Николай Бушуев выглядит козырным тузом среди бес- сильных семерок.

На далеком и маленьком лесосплавном участке Бушуев появился неожиданно. Едва не утонув он при переправе через бурный порог, да был спасен молодым рабочим Лешкой Малинником. Все рядовались спасению человека. Радость усилывалась предчувствием того, что спасет его не только физически, но и нравственно, этого бывшего заключенного Казалось, он, Бушуев, и сам рад моральному возрождению. «Мне уж не двадцать лет. Что-то нет охоты да еще в казачьи-разбойники играть».

Ни в какой степени писатель не хочет «обезить» Бушуева, прояснить к нему жалость. Наоборот, очень горько он его развенчивает. Бушуев не стремится ни к какой «перевосхождению», он лишь ловко спекулирует на чувствах доброты и доверия к человеку. Автор обнажает его вероломство. Подчеркиваем развенчивает, обнажает, обличает — таков тон повести.

Но то, что хотел сказать писатель, во многом терпит свои смест- низа изображения. Большинство других лиц. Перед кем поставлен Бушуев? Перед слабой, внутренне раздвоенной группой людей. Двадцать пять человек в общедельничии оказались безвольными и недальними. Бушуев без труда подкупил их своими песнями «о тоске в изгнании, о любовных изменах, об убийствах из ревности». Легко заркастит он многих на приманку карточной игры. Один Дубинин мог бы противостоять чужой заразе, но он не залезет вмешиваться до поры до времени. «Пусть Спохватятся» — тут-то он и появится, тут-то скажет свое «ба».

На страницах, рассказывающих о картежной игре, автор забывает об индивидуальных качествах людей, и все они становятся одинаково подверженными пороку или лишь равнодушными к нему.

Из поля зрения автора выпал самый основной момент в конфликте — борьба идейных и нравственных принципов. Впустую пропасть все рассуждения о совести и человечности Дубинина, не давая никакого эффекта. Начальные характеристики лесосплавников, как людей строгой товарищеской морали. Оказались они всего-навсего битыми семерками — таково впечатление, хотя автор, видимо, не хотел его вызвать. Причины неудач повести коренятся в недооценке нравственной идейной, гуманистической силы коллектива. Эта недооценка всегда отражается отрицательно, даже в тех случаях, когда тот или иной автор пытается своими оценками персонажей перебороть художественное впечатление от созданных им образов.

ЧЕЛОВЕК человеку — друг — товарищ соратник. В этом слове, теперь часто повторяемом, формула выражается один из главных гуманистических принципов социалистического общества. А он оказывает воздействие и на эстетику социалистического реализма.

Существование гуманизма зависит от идеальности, она позволяет с наибольшей четкостью видеть грани между человечностью абстрактной и действительной, ласкливо-соплатительной и требовательно-активной.

Революционный, социалистический гуманизм основан не на отечественных пожеланиях самосовершенствования, а на реальных процессах общего подъема народа и человека в борьбе за коммунизм.

Виктор ПАНКОВ